К семиотико-лингвистическому анализу рассказа

Л.Н. Толстого «Прыжок»

А.Н. Барулин (Институт языкознания РАН)

Аннотация

В статье проводится референциальный, лексический, прагматический, семиотический и литературоведческий анализ рассказа Л.Н. Толстого «Прыжок», в контексте жизненных обстоятельств автора, его отношения к Дарвину и дарвинизму.

Ключевые слова

Русская художественная литература, литература для детей, Лев Толстой, Дарвин, лексика, профессиональный морской подъязык и общеупотребительный язык, постулаты Грайса, параллелизм в смысле А.Н. Веселовского, соотношение референциального и реального миров, пространственная семиотика корабля.

0. Вводные замечания

«Прыжок» — один из самых любимых читателем детских рассказов Л.Н. Толстого. О нем много написано. Для меня наиболее интересным и безусловно ценным его анализом является работа А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова «Ex ungue leonem» [Жолковский, Щеглов 2017], посвященная, правда, не конкретно данному рассказу, а широкому сравнению детских рассказов Л.Н. Толстого с его же произведениями для взрослых на обширном фоне других произведений писателя и мировой литературы. Сложный для понимания текст монографии, разбросанность замечаний о глубинной и поверхностной структуре рассказа, его глубинных и поверхностных персонажах, а также так называемых приемах выразительности, разумеется, не позволяет мне надеяться на его полное понимание и исчерпание всех идей, в нем заложенных, но уже не позволяет и не опираться на его глубокие теоретические и детальные наблюдения.

Целью моей работы является именно семиотический анализ рассказа. Как семиолога меня будет интересовать здесь в первую очередь референциальная сторона рассказа, т.е. анализ реалий, упоминаемых Толстым в рассказе, их номинация, их функции в конструкции сюжета, возможность и типичность событий, описываемых в рассказе, для реального мира, глубинные роли реалий в абстрактных схемах сюжета, способы обозначения идей, которые автор хочет донести до адресата и сама система этих идей.

1. Об адресанте, адресате и назначении текста (иллокутивном контексте)

Рассказ «Прыжок» был написан в 1880 г., в период, когда писатель, переживая глубокий духовный кризис, описанный им в «Исповеди», на время отошел от интенсивной литературной работы и занимался созданием сборников небольших, похожих на притчи рассказов для детей под названием «Русские книги для чтения» и «Новая азбука». Рассказы имели дидактический характер и были литературным продолжением или приложением к его педагогическим опытам, когда в организованных им школах для крестьянских детей он и его сподвижники-учителя вели занятия по разработанной Толстым оригинальной методике. «Прыжок» размещен в 4-й «Русской книге для чтения».

Рассказ, как кажется, посвящен морской тематике и можно было бы предположить, что он призван расширить кругозор крестьянских детей, познакомить их с неизвестной им профессией моряка, с морской романтикой. Поскольку у рассказа есть подзаголовок «Быль», можно было бы предположить, что автор хочет познакомить детей с конкретным событием, случившимся в жизни с конкретными людьми на конкретном корабле. Тогда для полной достоверности он должен был бы назвать героев их истинными именами, назвать конкретный корабль его собственным именем. Это придало бы повествованию больше достоверности. Однако уже сам выбор лексики, с помощью которой писатель изображает события рассказа-были, не оправдывает такого рода ожиданий. Первым существительным, которое нам встречается в рассказе, является слово КОРАБЛЬ. Толстой не уточняет ни тип корабля (шлюп, корвет, фрегат, линкор, шхуна, бригантина, пароход), ни название какого-нибудь из реально существовавших во времена кругосвет-

ных плаваний русских кораблей («Кроткий», «Надежда», «Байкал», «Паллада», «Калевала», «Крейсер», «Аврора» и т.д.). Прием именования героев повествования абстрактными, а не конкретными именами, характерен не для были, а для поговорки («не в свои сани не садись» (в чьи сани, при чем здесь сани, кто не садись), «заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибет»), басни, где действуют неопределенные волки, ягнята, вороны, лисы, сказки. Так используется лексика в евангельских притчах, в коротких текстах, в которых важны не сами герои, не детали, позволяющие придать описанию правдоподобие, а отношения между ними и ситуации, в которые они попадают. Называя героев рассказа, Толстой не использует ни одного собственного имени, только имена классов объектов, к которым принадлежат герои: «мальчик», «матросы», «народ», «сын капитана корабля», «капитан корабля», «обезьяна», «мачта», «перекладина». Так же используется лексика в евангельских притчах: герои именуются там по отношению родства (*отец, сын, брат*, ср., например, притчу о блудном сыне), по роду деятельности (например, *виноградарь* в притче о бесплодной смоковнице), по принадлежности к социальному классу (например, *раб, рабы* в притче о брачном пире), по принадлежности к роду человеческому (например, *некто* в притче о бесплодной смоковнице, *некоторый человек* в притче о блудном сыне, в притче о богатом и Лазаре) и т.д. Такого рода текстам, правда, свойствен скрытый или явный параллелизм в смысле А.Н. Веселовского, подразумевающий интерпретацию действующих лиц повествования действующими лицами мифа, религиозного текста или социума: в пословицах, употребляемых к месту, имеются в виду конкретная ситуация и конкретные люди, которых имеет в виду говорящий и которые являются действующими лицами этой конкретной ситуации, в баснях антропоморфным персонажам фауны и флоры сопоставляются люди, иногда вполне конкретные, в притчах простым людям (хозяину, виноградарю) сопоставляются Бог-отец, Бог-сын, народ Израиля. У Толстого этот параллелизм в других рассказах отсутствует. Форма притчи подсказала ему верный путь в другом отношении.

Отмеченная выше особенность выбора лексики у Толстого, как и в пословицах, баснях, притчах, является идеальным образцом выполнения трех принципов адекватной коммуникации Г.П. Грайса, которым Толстой следует интуитивно. В первом постулате содержится идея, по которой коммуникация предполагает кооперацию адресанта и адресата: адресант должен стараться донести до адресата передаваемую информацию так, чтобы адресат ее понял и воспринял адекватным образом, адресат же должен стараться понять адресанта правильно, именно так, как этого хотелось бы адресанту. К этому общему постулату в качестве разъяснения добавляется максима количества, которая требует от адресанта, а) чтобы количество информации, которую несет его текст было не меньше, чем этого требует понимание его адресатом и чем этого требует цель коммуникации; б) чтобы количество информации было не больше, чем этого требует понимание текста адресатом и чем того требует цель коммуникации. В нашем случае интенциональный компонент языковых знаков, обозначающих корабль, героев и элементы снаряжения корабля, несут ровно столько информации, сколько требуется для представления описываемой ситуации крестьянскими детьми и цели повествования.

С тем, что такое море, Толстой познакомил детей в первой книге для чтения (см. [Толстой 1957, 116]), там же упоминаются и корабли, как суда, плавающие не в прибрежных водах, а в открытом море, где могут быть большие волны.

Как правильно отмечают Ю.К. Щеглов и А.К. Жолковский, главной целью Толстого в этом дидактическом тексте было обратить внимание детей на то, что жизнь и взаимодействие с природой таят в себе много неожиданностей, к появлению которых надо быть готовым. К опасности могут привести самые невинные и даже приятные способы времяпрепровождения, а неправильные, пусть даже кажущиеся разумными пути выхода из опасного положения, могут только усугубить эту опасность и поставить существо, попавшее в беду, на грань катастрофы. Из серьезной опасности бесполезно искать рациональный выход, полагаться надо больше на интуицию, которая на грани катастрофы работает быстрее и надежнее разума. И если жертва обстоятельств сама не может справиться

ся с ситуацией, на помощь придет близкий для нее человек, которому выход из создавшегося положения в нужный момент подскажет самый высокий и сильный вид человеческой привязанности, родительская любовь. Отмечу сразу, что сила материнской любви была воспета в русской литературе многократно. Гораздо реже в центр ее внимания попадала отцовская любовь к своему ребенку. Думается, именно это побудило писателя поместить действие рассказа на военный корабль, где присутствие женщин принципиально невозможно. Этот выбор и деликатен по отношению к женщинам, и безупречен для того, чтобы показать силу отцовской любви к своему ребенку. То же можно сказать и о другом рассказе Толстого с очень похожим сюжетом, помещенном в третьей «Русской книге для чтения», «Акула».

Для иллюстрации изложенных выше идей в нашем рассказе в качестве места действия писатель выбрал замкнутое пространство корабельной палубы.

КОРАБЛЬ — обобщенное название крупных судов, предназначенных для плаванья в открытом море. В интенсionalе этого слова содержится лишь самая общая информация о такого рода судах. Родовое слово (гипероним) для него — слово СУДНО. Оно способно обозначать как крупные, так и мелкие суда: лодки, яхты, шлюпки, ялики, байдарки, шаланды и т.д., которые кораблями не называют. Чем более абстрактным является слово, тем меньше в его интенсionalе содержится информации, необходимой для распознавания обозначаемого словом объекта, тем большее число объектов это слово может обозначать и тем более неопределенным является обозначаемый объект. На знание именно этих свойств слова ориентируется максима Грайса. Если бы Толстой обозначил место действия, например, словом ФРЕГАТ, он ввел бы излишнюю для адресата информацию о том, что это средних размеров трехмачтовый военный корабль, обладающий достаточно серьезным вооружением, большой командой (порядка четырехсот человек), сравнительно большой скоростью и маневренностью. Кроме того, нелишним было бы рассказать о том, чем этот тип корабля отличается от других военных кораблей: корвета, линкора, брига, шлюпа и т.д. Эту информацию пришлось бы изложить крестьянским детям отдельным

текстом, что неоправданно увеличило бы объем рассказа. Дети же, наверняка, слова ФРЕГАТ не знают. То же касается и специального термина РЕЙ вместо ПЕРЕКЛАДИНА, ГРОТ-МАЧТА, вместо МАЧТА. Из всего этого следует, что писатель был хорошо знаком с объемом знаний крестьянского мальчика двенадцати лет, на которого, собственно, в основном и рассчитан этот рассказ. Информации, вводимой в текст общими словами, достаточно для понимания всех событий и идей, описанных выше, крестьянскими детьми. А благодаря неопределенности обозначения важных деталей, автору удастся скрыть от наивного читателя очевидные несоответствия, которые я буду обсуждать ниже. У взрослого читателя, знакомого с устройством корабля, с условиями кругосветных путешествий, к тексту остается много вопросов, а у исследователя, знакомого с жизнью Толстого, кругом его интересов и идей, остается довольно много возможностей выявить некоторые скрытые в рассказе от поверхностного взгляда мысли писателя, вряд ли интересные для крестьянских детей.

Выше я высказал мысль о том, что анализ лексики может помочь нам отвергнуть определенные гипотезы о целях повествования. Использование абстрактной лексики для обозначения реалий рассказа уже подсказало нам мысль о том, что несмотря на подзаголовки «Быль», Толстой не заинтересован в том, чтобы более детальным описанием укрепить впечатление читателя о том, что нам рассказывается история, имевшая место в реальной жизни. Теперь покажем, что у Толстого не было цели заинтересовать детей морской тематикой.

Всякого непосвященного читателя завораживает специальная терминология, которую используют профессионалы и люди, вовлеченные в описываемый род деятельности. Можно вспомнить новеллу А.С. Новикова-Прибоя «Рассказ боцманмата», в которой главный герой, демонстрируя превосходство моряков перед «пехтурой», побеждает противника морским термином «полундра». Именно объясненная читателю морская терминология могла бы создать у читателя ощущение причастности к профессии моряка, к

морской службе, у мальчиков это могло бы проявиться в желании играть в моряков и море. Но именно этой детали мы не находим в рассказе «Прыжок».

Обратим внимание на второе предложение рассказа: *Была тихая погода*. Фраза эта может быть понята как ‘стоял полный штиль’ и как ‘дул легкий приятный ветерок’. Но первое понимание, если учесть, что имеющую большую парусность шляпу, висевшую на краю рея, ветерок не унес в океан, первый вариант ее понимания имеет некоторое преимущество. В таком случае можно задаться вопросом, почему Толстой не использовал для обозначения нужного ему смысла слово ШТИЛЬ, ведь, когда речь идет о морском пейзаже, обычно используется этот морской термин: *Стоял полный штиль*. Я бы оставил это наблюдение без внимания, сочтя это стилистической прихотью автора. Но вот еще один пример, когда в разговоре на морскую тематику предмет, имеющий специальное наименование в морском профессиональном жаргоне, Толстой в своем стремлении не использовать морские термины заменяет не очень понятным общеупотребительным словом: *Обезьяна села на первой **перекладине** мачты*. ПЕРЕКЛАДИНА — очень неточный, практически неприемлемый гипероним к термину РЕЙ (или РЕЯ, я буду пользоваться первым вариантом вокабулы). Перекладина должна составлять в конструкции, деталью которой она является, единое неподвижное целое с вертикальным брусом (ср. *перекладина креста*). Рей же не встроен намертво в мачту. Это — ее подвижная деталь, его, в отличие от перекладины, можно поворачивать по оси мачты, приводить к ветру. В словаре морских терминов рей определяется как «горизонтальное рангоутное **дерево**, подвешенное за середину при помощи боргов и бейфута к мачте или стеньге». Из этого определения становится ясно, что в общеупотребительном русском языке понятию ‘рей’ нет никакого соответствия, его гипероним — ДЕТАЛЬ РАНГОУТА, и для его именования, чтобы не вводить детей в заблуждение, лучше было бы использовать морской термин. Однако, если это все же противоречит замыслу автора, здесь его еще можно понять. Пусть и приблизительно, с ошибкой, рей все-таки можно назвать перекладиной (немного точнее было бы назвать его поперечиной). Более того, Толстой в этом не одинок.

Рис. 1.

Хотя, казалось бы, если уж назвал корабль кораблем, а мачту мачтой, а не столбом, бревном, вертикальным брусом или колонной, назови и рей реем или, на крайний случай, реей. Можно было бы даже поощрить детей в любознательности и упражнении памяти и объяснить, что рей называется по парусу, который к нему крепится, а паруса — по мачте и порядку расположения с точки зрения человека, стоящего на палубе (сочетание «первая перекаладина» тоже не очень понятно, смотря откуда считать, уж лучше было бы назвать ее «нижней»), но Толстой пользуется обозначением, основанным на описываемом действии: обезьяна поднимается на мачту, и нижний рей при подъеме, действительно, первый). Нижний рей в зависимости от того, на какой мачте он находится, должен был бы называться либо фока-рей, либо грота-рей, либо крьюс-рей.

Совсем уже неприемлемо именовать ванты веревкой: *«Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по **веревке** на первую перекаладину»*. На мачту можно подняться только по вантам. Как это будет видно из дальнейшего, высота грот-мачты на фрегате

приблизительно равна высоте двадцатидвухэтажного дома. Мальчик, очевидно, и дальше вслед за обезьяной будет взбираться таким образом. Можно ли представить себе, что на такую высоту кто-нибудь способен забраться по веревке? Если вспомнить наши школьные занятия физкультурой в 12 лет, когда нас заставляли подниматься на высоту трех метров по канату, вряд ли можно представить себе, что мы можем преодолеть высоту в двадцать раз большую. Высота от палубы до грота-рея — тоже порядочная. Здесь Толстой просто вводит детей в заблуждение.

Рис. 2.

Лексеме ВАНТЫ тоже нет никакого соответствия в обыденном языке. В определении слова ВЕРЕВКА (‘скрученные или свитые в виде шнура длинные пряди пеньки, льна или каких-л. других материалов’ [Кузнецов 2000]) отсутствует главный элемент вантов — поперечный трос, выполняющий роль ступеньки. Самый лучший эквивалент для этого термина в обыденном языке — «веревочная лестница».

Под словом ВЕРЕВКА может иметься в виду и различного рода одиночные тросы: которые в морском подъязыке называются такими терминами, как фал, линь, леер, конец, нирал, швартов, трос, шкот, канат и т.д. Таким образом, этот пример показывает,

что в своем стремлении соблюдения правила о необходимой и достаточной информации, писатель нарушает третье правило Грайса. Информации, которую он вводит для именования этой детали корабля недостаточно для адекватного понимания ситуации.

Последней из переименованных деталей корабля является клотик, удачно названный «макушкой мачты». Здесь, по крайней мере, понятно, что имеется в виду.

Все эти примеры показывают, что в этом рассказе вся морская терминология оказывается табуированной, и это табу на нее нельзя объяснить стремлением избежать введения лишней информации: мы выяснили, что у терминов РЕЙ (РЕЯ) и ВАНТЫ в обычном языке нет подходящего гиперонима (горизонтальное дерево рангоута слишком громоздко, научно и требует объяснения входящего в толкование слова РАНГОУТ). Из всего этого можно сделать вывод, что заинтересовать детей морской романтикой в планы писателя не входило. Наоборот, он явно не хочет отвлекать читателя от главных идей своего сюжета, которые к морю, в общем, не имеют никакого отношения.

2. Выбор сюжета и места действия рассказа. Большая часть рассказов в упомянутых сборниках — переработанные писателем широко известные тексты фольклорного и религиозного характера. Некоторые взяты из произведений мировой художественной литературы. Сюжет рассказа «Прыжок» взят из американской литературы. Правда, автор его так и не выявлен. Известно лишь, что Толстой воспользовался переводом, списки которого, переписанные рукой его племянницы и крестницы Варвары Валериановны Нагорновой (урожденной графини Толстой) и потом (с поправками) женой писателя, Софьей Андреевной, сохранились в его архиве. Текст перевода был сильно переделан, сокращен и адаптирован для адресата сборника.

Каждый рассказ-притча у Толстого содержит в себе определенные идеи, которые носят иллюстративно-поучительный характер, побуждают адресата к размышлениям в заданном рассказом направлении. Поэтому и сюжет рассказа, место, где происходит его действие, выбираются не случайно. Как уже говорилось, нам будет важно в дальнейшем, что корабль — место, где живут одни мужчины, нет женщин, и где из родственников,

если таковые имеются, у детей есть только мужская часть семьи, отец и/или братья. Важным элементом сюжета для нас является соперничество обезьяны и человека, в котором человек проигрывает обезьяне, и, более того, ее поведение приводит человека к катастрофическому положению.

3. О хронотопе

Для адекватного понимания текста произведения, необходимо хорошее представление об объектах созданного в рассказе мира, его хронотопе. Поговорим вначале о времени. Афористичность маленьких рассказов Толстого, как правило, не дает возможности судить об их времени действия. Но в анализируемой «были» его определение даже необходимо для правильного представления об объектах, которые фигурируют в его канве. Подзаголовок рассказа — «Быль». Это дает нам право определить, по крайней мере, временной промежуток, который имел в виду писатель. Верхней границей этого промежутка является время написания рассказа, 1880 г. Для определения нижней границы нам надо вначале определиться со страной, под флагом которой ходил упоминаемый в тексте корабль. Как уже было сказано выше, оригинал, из которого взят сюжет, был написан американским писателем. Но американцы до 1880 г. не ходили в кругосветное плавание, из чего следует сделать вывод, что автор переносит действие своей «были» в какую-то другую страну. Тем самым, строго говоря, веру в то, что Лев Николаевич рассказывает нам о реальном случае, можно уже оставить детям. Речь пойдет о модели какого-то реального события. Догадаться, в какую страну писатель переносит действие, нетрудно: сборник называется «Русская книга для чтения», следовательно, если специально не указано, под чьим флагом ходил корабль, по умолчанию будет иметься в виду, что флаг был российским. Если наше предположение верно, то нижней границей временного промежутка, в котором разворачиваются действия рассказа, следует признать 1806 г., когда заканчивалось первое русское кругосветное плавание Крузенштерна и Лисянского. Поскольку действие той «были», которая является оригиналом для модельного мира, воспроизведенного в рассказе, произошло, видимо, на американском корабле, мы не найдем

и не могли бы найти ему соответствий в истории русских кругосветных путешествий. Более того, перенос действия из одной страны в другую неизбежно приводит к несоответствиям, обусловленным системностью правил, условий жизни, характерных для разных стран. Эти несоответствия проявляются в деталях, невидимых для невооруженного взгляда, которые я постараюсь далее выявить.

Естественно было бы предположить, что, не будучи моряком, в деталях описания корабля Лев Николаевич, тем не менее, опирался на свои собственные наблюдения, а подробное знакомство с ними у него впервые могло произойти во время службы в Севастополе. Если принять эту гипотезу, временной интервал, в который оказывается помещенным сюжет «Прыжка», следует сократить до 1855 г. Более точно и убедительно время действия я определю позже, когда буду анализировать «форму одежды» мальчика.

Теперь поговорим о вероятном местоположении корабля. Судя по тому, что мальчик вышел на палубу в «курточке», корабль, двигавшийся вдоль западных берегов Африки, уже вышел из зоны тропиков. Температура воздуха здесь зависит от времени года, которое Толстой также не указывает. В январе двигавшийся в обратном направлении на фрегате «Паллада» И.А. Гончаров почувствовал, что ему тепло только на подходе к острову Мадейра. Если плавание в «Прыжке» проходило летом, так тепло, что можно было выйти на палубу в курточке, а потом ее сбросить, могло быть и недалеко от побережья Португалии, Испании, Франции.

Судя по тому, что вокруг корабля летали чайки, корабль находился недалеко от берега. Несомненно и то, что он был неподвижен, стоял на якоре: даже при минимальной скорости мальчик не смог бы устоять на круглом, в форме веретена, рее, а шляпу бы сдуло легким ветерком, возникающим при движении судна.

4. О корабле

Предметные референты вводятся в модельный мир художественного произведения именами существительными, или субстантивными морфами в составе прилагательных или глаголов. При этом существительные обозначают предметные референты безот-

носителем времени. К конкретному времени событий референты привязываются другими частями речи. Между тем у каждого предмета реального мира, с которым соотносятся модельные объекты, имеется время существования, постоянные и переменные свойства, которые отображаются в интенционале языкового знака. И свойства эти могут меняться в зависимости от времени, как может меняться и сам тип обозначаемого существительным объекта по умолчанию. Особенно это касается культурных объектов. Типовым кораблем в настоящее время является судно с металлическим корпусом и современным типом двигателя, например, газотурбинным или дизельным. Такому судну не нужны ни паруса, ни мачты, на которые они крепятся. В период, к которому условно относится действие рассказа (середина 1850-х годов — 1880), типовым кораблем был парусник. В рассказе должен действовать не просто парусник, а парусный военный корабль: в России в кругосветные плавания ходили только военные корабли.

Энциклопедические данные говорят нам о том, что к началу Крымской войны (1853—1856) наш военный флот состоял из 95 парусных кораблей, в число которых входило всего 16 пароходов-фрегатов. Пароходофрегат — парусное и одновременно колесное или винтовое судно с деревянным корпусом, снабженное паровым двигателем. После Крымской войны (и смерти Николая I) морское министерство переориентировало заказы на строительство российских кораблей с парусных на парусно-паровые корабли и корабли с паровым двигателем. Но быстро эта задача решена быть не могла. Ситуация начала кардинально меняться как раз после 1880 г.

Из этого следует, что под кораблем в своем рассказе Толстой имел в виду парусный или парусно-винтовой военный корабль. Об этом свидетельствует и тот факт, что основным местом действия была высокая мачта, на которую и обезьяна, и мальчик взбирались по «веревкам» (точнее было бы говорить по веревочным лестницам — вантам). Немного ясности добавляет нам информация о том, что корабль этот участвовал в кругосветном плавании. Из этого следует, что это мог быть шлюп, бриг, корвет или фрегат. Самые крупные военные корабли русского флота, линкоры, в кругосветных путеше-

ях не участвовали. И шлюпы, и бриги, и корветы, и фрегаты были трехмачтовыми парусниками с полным парусным вооружением. Боевым вооружением этих кораблей служили гладкоствольные пушки, которых на первых трех типах кораблей было порядка тридцати. На фрегатах шестого ранга — до 45 пушек, на фрегатах пятого ранга — до 60 пушек, расположенных на двух палубах, открытой верхней и закрытой, которая располагалась под верхней. На кораблях первых двух типов служило порядка 160 человек экипажа, на фрегатах — порядка 450. Шлюпы были характерны для первых русских кругосветных походов, на них плавали М.П. Лазарев, Ф.П. фон Врангель (бриг «Кроткий»), Л.А. Гаге-мейстер, М.Н. Станюкович и Ф.П. Литке, М.Н. Васильев и Г.С. Шишмарев, В.М. Головнин, О.Е. Коцебу, З.И. Понафидин, в конце 40-х годов на военном барке («Байкал») совершил кругосветное плавание Г.И. Невельской. Корветы и фрегаты в качестве участников дальних походов характерны для 40—70-х годов того же века. На фрегате Паллада в дальнее плавание ходил И.А. Гончаров, описавший поход в книге «Фрегат “Паллада”», плавание на корвете «Калевала» под именем «Коршун» описал писатель-маринист К.М. Станюкович. В кругосветное путешествие под командованием М.П. Лазарева ходил фрегат «Крейсер». Два кругосветных плавания под командованием И.М. Изюльметьева и М.П. Тироля совершил фрегат «Аврора». Трижды в кругосветное плавание ходил фрегат «Светлана». Я не рассматриваю здесь гражданские суда, поскольку в России они в кругосветные путешествия не ходили. Коммерческие и государственно-коммерческие организации типа Российско-американской компании для удаленной перевозки грузов пользовались услугами военных судов. На море было неспокойно не только из-за штормов и шквалов, международные отношения то и дело оборачивались войнами. Кроме того, в разных районах океана еще действовали пираты. Думаю, что Толстому ближе были все-таки кругосветные походы 50—70-х годов, и имелся в виду более частотный, чем корвет, тип кораблей — фрегат. Об этом же говорит и присутствие в его парусном вооружении редкого паруса «мунсель», о котором речь пойдет ниже.

Рис. 3.

Для анализа рассказа нам будут важны приблизительные размеры фрегата и высота мачт. Длина фрегата, как правило, была порядка 50 — 60 м, ширина — между 12 и 15 м. Высота грот мачты (от ватерлинии) — в пределах от 50 до 60 с половиной метров. Это сравнимо с высотой двадцатидвухэтажного дома. На снимке (Рис. 4) вид с грот-мачты на палубу барка «Седов» (съемка Леонида Круглова).

Рис. 4.

5. О кругосветном плавании

Теперь несколько слов о кругосветном плавании. На парусниках оно, как правило, длилось около трех лет и было связано с огромным напряжением для всей команды. Непарадной его стороной были тяжелейший труд по как можно более быстрой постановке и особенно уборке тяжелых, обычно мокрых парусов, работа на большой высоте под постоянной угрозой упасть на палубу или в бушующие волны с качающейся с большой амплитудой мачты, работа под ураганным, в высоких северных и южных широтах холодным, ветром, потоками воды. Крен во время шторма мог достигать 40°. Довольно часто экипаж страдал от скудной еды и плохой воды, а то и от недостатка их. Угнетали болезни и смерть членов экипажа. Для офицеров и особенно для капитана огромным напряжением было постоянное присутствие опасности не только в виде штормов, шквалов, сильного волнения, но и в виде мелей, возможности столкновения с другими судами, отсутствия пресной воды и продовольствия, болезней, столкновения друг с другом членов экипажа, недовольства матросов офицерами и т.д., необходимости принимать молниеносные решения по управлению судном, сохранять хладнокровие и мужество в особо опасных ситуациях, проявлять стальную волю при управлении людьми, которые в критические моменты должны были действовать как единый организм. К концу плавания у экипажа накапливалась усталость не только от тяжелой работы, но и от тесноты, ограниченности жизненного пространства, от постоянного общения с одними и теми же людьми, от отсутствия твердой земли под ногами, от тоски по дому и близким людям, от того, что в течение длительного времени накапливалось раздражение по поводу мелких расхождений во взглядах, конкуренции, неприятия дурных черт характера и привычек товарищей и т.д.

Эта наэлектризованность в отношениях между членами экипажа, внутреннее напряжение в любой момент из-за какого-нибудь пустяка могли привести к срывам и серьезным конфликтам даже, казалось бы, среди полной умиротворенности и безмятежности. Именно такую атмосферу расслабленности и безмятежности рисует Толстой в начале повествования.

Отмечу здесь еще одну интересную деталь. А.К. Жолковский и Ю.К. Щеглов справедливо отмечают, что пространство, в котором действуют герои детских рассказов Толстого, разделяется на опасную и безопасную зоны. Для «Прыжка» разграничение этих зон остается неопределенным. Мне представляется, что здесь они четко разделены по принципу горизонтальности и вертикальности плоскости, в которой происходит действие. Палуба символизирует в рассказе горизонтальную поверхность, параллельную поверхности моря («символизирует» потому, что в бурном море ни о каком параллелизме речи быть не может). Действие рассказа можно разделить на три части: первую, которая происходит на горизонтальной поверхности, вторую, которая происходит в вертикальной плоскости, перпендикулярной поверхности палубы и моря, на мачте и в море, и третью, которая вновь происходит на палубе. Первая характеризуется положительной динамикой развития: народ, и мальчик в том числе, забавляется, наблюдая за ужимками обезьяны, смеется, веселится, на палубе господствует мирная доброжелательная, веселая атмосфера, обезьяна веселит народ. Но вот, обезьяна забирается на мачту, действие переходит в вертикальную плоскость, настроение обезьяны резко меняется, она становится злобной, рвет шляпу мальчика и всячески старается вывести его из себя. В атмосфере появляется ощущение опасности. Напряжение растет, действие начинает развиваться в сторону катастрофы (термин А.К. Жолковского и Ю.К. Щеглова). Кульминация этого развития наступает в самой высокой точке, для мальчика — на самом высоком рее, а для обезьяны — на клотике. Далее происходит развязка сюжета. Мальчик, опять двигаясь в вертикальной плоскости, прыгает в море, погружается в него, и напряжение спадает уже тогда, когда мальчик снова оказывается на горизонтальной поверхности палубы. Точно такое же противопоставление умиротворенной спокойной горизонтальной («Безмолвное море, лазурное море//...») и напряженной трагической вертикальной плоскости («Стою очарован **над бездной** твоей...») можно обнаружить, например, в элегии В.А. Жуковского «Море» (см. анализ элегии в моей работе [Барулин 1999]).

6. О сыне капитана корабля

Теперь поговорим о его статусе на военном корабле. На военном корабле, как сейчас, так и тогда разрешалось находиться только военным. Исключения делались для людей, которые исполняли государственные поручения — таких, как дипломаты или как И.А. Гончаров, людей, которые должны были вести своеобразный художественный судовой журнал, чтобы описание жизни в плавании стало достоянием общественности. Из этого правила следует, что мальчик на корабле служил юнгой и носил военно-морскую форму. Образец формы юнги был таким же, как у нижних чинов. В конце двадцатых — сороковых годов форма юнги выглядела следующим образом (Рис. 5):

В 1850-х годах она выглядела так:

Рис. 6.

Как видно из рисунка, на кораблях летом воспитанники училищ и юнги носили куртки и шляпы с лентами. В 70-х годах их форма выглядела так:

Рис. 7.

Шляпы были заменены бескозырками, а летние куртки — форменками. В рассказе Толстой говорит о шляпе мальчика и «куртке», из чего однозначно следует, что время действия относится к пятидесятым годам XIX в. Ни до, ни после шляпы не были элементом военно-морской формы нижних чинов.

Возраст читателей, на который ориентировал свой рассказ Толстой, соответствует возрасту мальчика в рассказе — 12 годам. Однако мы в своих рассуждениях должны учесть длительность кругосветного плавания. Как уже было сказано, оно продолжалось, как правило, три с лишним года, из чего следует, что в начале плавания мальчику было девять лет, что, в общем, мало правдоподобно, поскольку мальчиков принимали в кадетский корпус в 10-12 лет. Следует отметить и то, что взять ребенка в кругосветное плавание в девять лет означало подвергнуть его неоправданно высокому риску, тем более серьезному, что поведение детей, плохо умеющих предугадывать последствия своих поступков, для взрослых часто бывает непредсказуемым. Для отца, очень любящего своего сына (а таким, несомненно, и был капитан корабля), такой поступок был более, чем опрометчивым. Из известных случаев в первом российском кругосветном плавании принимали участие два морских кадета — Мориц и Отто Коцебу, младшему из них, Морицу, в начале плавания было тринадцать лет, старшему — пятнадцать. Дети были взяты в плавание по просьбе их отца и мачехи, которая приходилась Крузенштерну двоюродной сестрой. Характерно, что старший из братьев и в дальнейшем посвятил свою жизнь морю, а младший служил в пехоте и к морю в дальнейшем не приближался. Старший брат был взрослее, выносливее и сильнее, чем младший, и ему служба на море понравилась, стала его призванием. Младшему мальчику служба на корабле давалась с огромным трудом, и страх его перед морем, а его испытывает каждый моряк, был гораздо менее преодолимым, чем для его старшего брата.

Из рассказа не очень понятны переживания мальчика по поводу потери шляпы. С точки зрения современного молодого человека без головного убора летом вполне можно обойтись. Она не может дорого стоить, отца мальчика не очень обременит покупка ему новой шляпы. Мальчику на корабле можно ходить в чем угодно.

Переживания юнги становятся более понятны, если учесть семиотическое разделение пространства корабля на внутреннее, интимное (например, пространство каюты) и внешнее, общественное (пространство палубы). Вне корабля эти два вида пространства

противопоставлены, как в городе улица и спальня. Спальня — личное пространство человека, вход в которое для постороннего правилами этикета разрешается только с позволения того, кому она принадлежит. В собственной спальне можно ходить и в неглиже. Улица — общественное пространство, в котором действуют правила общественного поведения. По ним было положено ходить в полном «снаряжении», мужчинам летом — в соответствующей верхней одежде, шляпе и с тросточкой, военному — в полном обмундировании, которое также обязательно подразумевает головной убор. Головной убор исполнял не только предохранительную (чтобы не мерзла голова, не напекало солнце), но и семиотическую функцию: его приподнимали при встрече со знакомыми в знак приветствия, а военные прикладывали к нему пальцы правой руки. При входе в помещение головной убор было положено снимать, снимали его и при виде покойника. Крестьяне снимали его еще и перед баринном, демонстрируя ему свою покорность.

И.А. Гончаров в своем художественном бортовом журнале «Фрегат Паллада» называет палубу «улицей», имея в виду параллель между правилами поведения на улице и правилами поведения на палубе.

Так же воспринимает палубу и мальчик. Когда обезьяна сорвала с его головы шляпу, она нарушила целостность его униформы. В городе не то что за отсутствие головного убора, за незастегнутую пуговицу или нечищенную обувь патруль и сейчас может наказать военнотружущего. Так же и по палубе военный моряк должен ходить в правильной униформе, в частности, его голова должна быть увенчана головным убором. В начале действия мальчик еще надеется, что обезьяна вернет ему шляпу. Поэтому он, не зная, что будет дальше, не может понять, плакать ему или смеяться. Когда же она начинает рвать шляпу зубами, она лишает его обязательного элемента формы одежды, превращая его в непроизвольного нарушителя воинской дисциплины. Чувство полноты обмундирования, его уставного вида у военных развито особенно остро. Автор этой работы, носивший военно-морскую форму с 11 лет, знает это по собственному опыту. Для мальчика 12 лет,

лишенного на корабле сверстников, проведенного в окружении взрослых 3 года, стремящегося к соблюдению взрослых стандартов поведения, это особенно важно.

Отступление. Толстой и Дарвин

Для того, чтобы сделать более понятным следующий шаг в моем рассуждении, мне придется отступить от темы исследования и вернуться к некоторым подробностям духовной жизни автора.

В разгар работы над романом «Война и мир» появился перевод на русский язык выдающегося труда Ч. Дарвина «Происхождение видов» (1864). Перевод был сделан другом семьи писателя С.А. Рачинским. Русское интеллектуальное сообщество остро отреагировало на появление этого замечательного труда, расколовшись при этом на сторонников и противников английского ученого. Полемика между ними шла и в печати, и в публичных выступлениях, и в салонах, и в аудиториях учебных заведений. Еще больше она обострилась после выхода второй знаменитой работы Дарвина — «Происхождение человека и половой подбор» (1871; русский перевод появился в том же году). Накал полемики хорошо виден в стихотворении А.К. Толстого «Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинизме», сатирически отобразившем общественное мнение сторонников дарвинизма, направленное против непримиримого его противника, начальника Главного управления по делам печати М.Н. Лонгинова. Не могу отказать себе в удовольствии привести его здесь целиком.

Послание к М.Н. Лонгинову о дарвинизме

Я враг всех так называемых вопросов.

Один из членов Государственного совета.

Если у тебя есть фонтан, заткни его.

Козьма Прутков.

1

Правда ль это, что я слышу?

Молвят овамо и семо:

Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?

2

Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь жопа,
Так тебе обиды нету
В том, что было до потопа.

3

Всход наук не в нашей власти,
Мы их зёрна только сеем;
И Коперник ведь отчасти
Разошёлся с Моисеем.

4

Ты ж, еврейское преданье
С видом нянюшки лелея,
Ты б уж должен в заседание
Запретить и Галилея.

5

Если ж ты допустишь здраво,
Что вольны в науке мненья —
Твой контроль с какого права?
Был ли ты при сотворенье?

6

Отчего б не понемногу
Введены во бытиё мы?
Иль не хочешь ли уж Богу
Ты предписывать приёмы?

7

Способ, как творил Создатель,
Что считал Он боле кстати —
Знать не может председатель
Комитета о печати.

8

Ограничивать так смело
Всесторонность Божьей власти —
Ведь такое, Миша, дело
Пахнет ересью отчасти!

9

Ведь подобные примеры
Подавать — неосторожно,
И тебя за скудость веры
В Соловки сослать бы можно!

10

Да и в прошлом нет причины
Нам искать большого ранга,
И, по мне, шматина глины^[2]
Не знатней орангутанга.

11

Но на миг положим даже:
Дарвин глупость порет просто
Ведь твоё гоненье гаже
Всяких глупостей раз во сто!

12

Нигилистов, что ли, зная

Видишь ты в его системе?

Но святая сила с нами!

Что меж Дарвином и теми?

13

От скотов нас Дарвин хочет

До людской возвесть середины —

Нигилисты же хлопочут,

Чтоб мы сделались скотины.

14

В них не зная, а прямое

Подтверждение дарвинисма,

И сквозят в их диком строе

Все симптомы атависма:

15

Грязны, неучи, бесстыдны,

Самомнительны и едки,

Эти люди очевидно

Норовят в свои же предки.

16

А что в Дарвина идеи

Оба пола разубраны —

Это бармы архирея

Вздели те же обезьяны.

17

Чем же Дарвин тут виновен?

Верь мне: гнев в себе утиша,

Из-за взбалмошных поповен

Не гони его ты, Миша!

18

И ещё тебе одно я

Здесь прибавлю, многочтимый:

Не китайскою стеною

От людей отделены мы;

19

С Ломоносовым наука

Положив у нас зачаток,

Проникает к нам без стука

Мимо всех твоих рогаток,

20

Льёт на мир потоки света

И, следя, как в тьме лазурной

Ходят Божии планеты

Без инструкции ценсурной,

21

Кажет нам, как та же сила,

Всё в иную плоть одета,

В область разума вступила,

Не спросясь у Комитета.

22

Брось же, Миша, устрашенья,

У науки нрав не робкий,

Не заткнёшь её теченья

Ты своей дрянною пробкой!

<Конец 1872>

В этом замечательном стихотворении мне важны несколько идей, которым противостоит поздний Л.Н. Толстой, Толстой 1880—1900-х годов. Наука самодостаточна, она развивается вне зависимости от религиозных догм, ее достижения не отменяют веру в Бога, а лишь меняют взгляды на его замысел в отношении природы, ее утверждения можно опровергнуть лишь фактами. В случаях расхождения в трактовке утверждений надо доверять науке (гелиоцентрическая теория Коперника, поддержанная Галилеем), а не религиозным представлениям о мире. Это утверждение восходит к утверждению Галилея, писавшего в свое время: «Ни одно изречение Писания не имеет такой принудительной силы, какую имеет любое явление природы». Достижения науки нельзя запретить хотя бы потому, что она интернациональна и не подвластна законам одного государства. А российская наука уже соединилась с мировой благодаря Ломоносову. Наука вне политики (ср. пассаж о нигилистах, как и А.К. Толстой поддерживающих теорию Дарвина). Хороший политик не должен объединяться с противником своей политической партии, даже если их взгляды совпадают в отношении к научной теории.

Увлеченный во время работы над «Войной и миром» поисками закономерностей в развитии истории, как отметила в своей лекции «Теория Дарвина и Лев Толстой» О.Е. Майорова [Майорова 2021], Л.Н. Толстой, ознакомившийся с основными идеями «Происхождения видов», вначале отнес их к позитивному сдвигу во всей парадигме естественнонаучных исследований. В черновике восьмой главы второй части эпилога он писал: «Как в вопросе астрономии, так и в вопросе *humaniores* (гуманитарных наук (?) — А. Б.) настоящего времени всё различие взгляда основано на признании или непризнании абсолютной неподвижной единицы, служащей мерилем изменения явлений. В астрономии это была неподвижность земли, в *humaniores* это — неподвижность личности, души человеческой» [Толстой 1955, 233]. Как видно из этого отрывка, корень вопроса, касающегося открытия законов истории, по мнению автора «Войны и мира», лежит во взгляде на личность, на возможность ее развития, на динамичный характер личности, которая меняется в зависимости от исторического контекста. Взгляд на личность как на нечто,

неподвижное в своем развитии, Толстой сравнивает со взглядом астрономов на неподвижность Земли, вокруг которой якобы вращаются Солнце и планеты, со взглядами биологов на виды и разнообразие животного мира, раз и навсегда заданные со времен сотворения мира. Далее Толстой указывает на науку как движущую силу изменения картины мира в сознании просвещенного человека: «Как в том, так и в другом случае с одной стороны — шла спокойная работа науки открытия истины, с другой — борьба страха и жалости за всё веками воздвигнутое здание, которое должно упасть при признании роковой истины» [Толстой 1955, там же]. Как видим, в этот период (1864—1868) взгляды Толстого на науку и ее отношения с религиозными взглядами на мир совпадают с взглядами его дальнего родственника, А.К. Толстого. Далее эта мысль развивается: «Но в астрономии истина взяла свое. Так точно в наше время истина подвижности личности должна взять свое. С разных сторон идет сложная упорная работа в пользу новой истины. *Все* науки работают в ее пользу. Зоология (Дарвин), физиология (Сеченов), психология (Вунт), философия [*неразобр.*], история (Бокль). Истина есть только отсутствие заблуждений, есть только новое удобство мышлений, и потому она всегда проста, ясна и доступна, и вся трудность восторжествования ее состоит только в победе над заблуждением. И потому восторжествование истины есть всегда борьба (и даже против **борьбы** Толстой здесь не против! — А. Б.). В борьбе возбуждаются страсти, и страсти заглушают истину. Для людей, боровшихся с возникав[шей] истиной астрономии, казалось, что, признай они эту истину, разрушается вера в бога. Но оказалось, что вера осталась неприкосновенною» [Толстой 1955, там же]. И по поводу разрушения веры в Бога писатель здесь стоит на тех же позициях, что и А.К. Толстой.

Однако, видимо, в доказательство «подвижности личности», Лев Николаевич кардинально меняет свое отношение к теории Дарвина после выхода в свет «Происхождения человека», и в редакции 1873 г. соответствующий отрывок из восьмой главы второй части Эпилога выглядит уже следующим образом: «Только в наше самоуверенное время популяризации знаний, благодаря сильнейшему орудию невежества — распространению

книгопечатания, вопрос о свободе воли сведен на такую почву, на которой и не может быть самого вопроса. В наше время большинство так называемых передовых людей, т. е. толпа невежд, приняла работы естествоиспытателей, занимающихся одною стороною вопроса, за разрешение всего вопроса» [Толстой 1940, 326]. И далее: «Если люди произошли от обезьян в неизвестный период времени, то это столь же понятно, как и то, что люди произошли от горсти земли в известный период времени (в первом случае X есть время, во втором происхождение), и вопрос о том, каким образом соединяется сознание свободы человека с законом необходимости, которому подлежит человек, не может быть разрешен сравнительною физиологией и зоологией, ибо в лягушке, кролике и обезьяне мы можем наблюдать только мускульно-нервную деятельность, а в человеке — и мускульно-нервную деятельность, и сознание» [Толстой 1940, там же].

Из этого отрывка еще не очень понятно, в чем конкретно состоят возражения Толстого Дарвину. Очевидно лишь, что у него сменился консультант по биологии. Если первые сведения об учении Дарвина он получил от первого переводчика «Происхождения видов» дарвиниста С.А. Рачинского, то «Происхождение человека» он обсуждал уже с антидарвинистом Н.Н. Страховым. Он читал все малокомпетентные статьи Страхова, направленные против дарвинизма, полностью принимал его сторону и восторгался всеми его софизмами, совершенно не вникая в квалифицированную критику его оппонентов, не оставлявших от «аргументов» Страхова камня на камне. Степень проникновения Толстого в суть полемики о дарвинизме, например, Страхова и Тимирязева, можно охарактеризовать его замечанием о брошюре Тимирязева «Бессильная злоба антидарвиниста» ([Тимирязев 1887]): «Последнюю статью Тимирязева прочел. Очень дурно, нравственно дурно, а потому наверно и всячески дурно». Письмо Н.Н. Страхову от 6 августа 1889 г. ([Толстой 1953, 292]).

Видимо, с редакции «Войны и мира» 1873 г. начинается духовный кризис Толстого, уводящий его в религию. Не буду здесь останавливаться на анализе этого периода жизни писателя. Он достаточно хорошо освещен в литературе. Замечу лишь, что след-

ствием этого духовного кризиса и смены системы ценностей является разочарование в науке и даже признании ее вреда для духовного развития человека. Интересно, что в этом отношении Толстой повторяет путь духовного развития одного из ранних христианских авторитетов, которого он часто цитировал. Я имею в виду Тертуллиана. Вот цитата из него, приведенная в книге К.Г. Юнга «Психологические типы»: «Тебя же я не призываю, душа, обученная в школах, искушенная книжным познанием, вскормленная и вспоенная в академиях и аттических колоннадах, — тебя, что вещаешь мудрость. Нет, я беседовать хочу с тобой, душа, что проста и не мудрствуешь лукаво, — с тобой, неопытной и неловкой, какою ты бываешь у тех, кто, кроме тебя, ничего не имеет, — с тобой, приходящей с улицы, с угла, из мастерской. Мне нужно именно твое незнание» (цит. по книге [Юнг 1998, 41]).

Суть расхождения Дарвина и Толстого во взглядах на человека и его происхождение довольно точно определил известный австрийский философ, основатель антропософии Р. Штейнер в лекции «Дарвин и Толстой», прочитанной в Берлине в 1904 г.: “What was it that Darwin investigated and bequeathed to humanity in his theory? The origin and change of the forms of animals and plants in the struggle for existence. This confirms that the attention of science is directed to the outer form. And what did Darwin openly declare? He asserted that the plants and animals live out their lives in the most manifold forms but that originally, according to his conviction, there were forms into which life was breathed by a Creator of worlds. This is what Darwin himself says. His eyes are directed to the evolution of forms, of the outer form, and he himself feels that it is impossible to penetrate into what imbues these forms with life. He takes this life for granted and does not attempt to explain it. He pays no heed to it, the question for him being merely the shape and form which life assumes”¹ [Steiner 1904]. В литературе, по мнению Штейнера, в этом направлении развивается творчество Эмиля

¹ В чем же состоит суть открытия Дарвина, которую он завещал человечеству? Происхождение и изменение форм животных и растений в борьбе за существование. Что, собственно, открыто декларирует Дарвин? Он утверждает, что растения и животные развились в огромное разнообразие форм, но изначально, согласно его убеждению, существовали формы, в которые вдохнул жизнь создатель. Вот то, что говорит сам Дарвин. Его внимание сосредоточено на эволюции форм, внешних форм, и сам он при этом чувствует, что невозможно проникнуть в то, что наполнило их жизнью.

Золя: его взгляд сосредоточен не на самой человеческой жизни, а на формах, которые принимает жизнь.

“Tolstoy looks everywhere for something else. He describes the soldier, the official, the human being belonging to some class of society, family or race ... but everywhere he is looking for the soul, for the living soul that comes to expression in one and all, although not in the same way. He portrays the simple, straightforward workings of the soul — but at different stages and in different forms. What is life in its diverse forms, in its thousand-fold variety? This is the basic question running through Tolstoy's works”² [Там же]. Да, искания Толстого и научные исследования Дарвина идут в разных направлениях. Но ученые вообще и биологи, в частности, и не претендуют на исследование движений человеческого духа. Нападки Толстого на науку в целом и на Дарвина, в частности, защита от них религии, как мне кажется, вызваны какими-то другими мотивами.

Первым таким мотивом является претензия религии не только на нравственный авторитет, но и на представления о мироустройстве, о «начале времен», о происхождении человека. Еще до публикаций Дарвина французская академия шельмовала первопроходца палеоантропологии Буше де Перта, обнаружившего останки ископаемых животных и каменные топоры в долине реки Соммы. Уже после выхода трудов Дарвина, представители французской академии обвинили в подделке испанского гранда Марселино де Саутуолу, благодаря девятилетней дочери обнаружившего наскальные рисунки в своей пещере Альтамира. И все из-за того, что находки этих первопроходцев антропологии противоречили учению церкви о происхождении человека. Дарвин вслед за Коперником, Джордано Бруно, Кеплером, Галилеем, скомпрометировавшими авторитет религии в формировании представлений о солнечной системе, нанес ей новый удар теперь уже в области представлений о начале времен и происхождении человека. Его открытия подрывали доверие к

² Толстой всюду ищет другое. Он описывает солдата, чиновника, представителя некоторого народа, социального класса, рода... но везде он отыскивает душу, живую душу, которая обнаруживает себя во всех и в каждом, хотя и не одним и тем же способом. Он изображает простые, непосредственные движения души, но на разных этапах и в разных проявлениях. Что есть жизнь в ее разнообразных формах в ее многотысячных вариациях? Это главный вопрос, на который Толстой пытается ответить во всех своих произведениях.

религиозному учению как целому, включая и ту область человеческой жизни, к которой наука не имела никакого отношения: нравственный закон, мораль, этику. Толстой опасался, что наука вытеснит религию. И, если это произойдет, человек потеряет нравственные ориентиры и пустится во все тяжкие. И, в общем-то, до определенной степени для России это было провидением сродни тому, которое мы видим в «Бесах» у Достоевского. В «Анне Карениной» Толстой вместе со своим alter ego, Левиным, рассуждает: «Теперь ему ясно было, что он мог жить только благодаря тем верованиям, в которых он был воспитан. “Что бы я был такое и как бы прожил свою жизнь, если б не имел этих верований, не знал, что надо жить для Бога, а не для своих нужд? **Я бы грабил, лгал, убивал.** Ничего из того, что составляет главные радости моей жизни, не существовало бы для меня”. И, делая самые большие усилия воображения, он всё-таки не мог представить себе **того зверского существа, которое бы был он сам**, если бы не знал того, для чего он жил» [Толстой 1935, 379] (жирный шрифт мой — А.Б.).

Вторым мотивом являются опасения писателя по поводу того, что на фоне активизации революционного движения в стране, создания народовольческих кружков, ориентированных на террористические методы борьбы («Народная расправа», «Земля и воля», «Народная воля»), идеи Дарвина, особенно идея о естественном отборе, о борьбе за существование, будут использованы в политике. Такой поворот событий мог вполне иметь место, поскольку доверие к учению Дарвина, кроме выпускников естественных факультетов, испытывали по большей части политические активисты левого крыла. Толстой уже прозорливо заметил науку, которая обещала впоследствии создать идеологическую основу для революционного движения — экономическое учение Маркса — и ставил дарвинизм в этом отношении в один ряд с марксизмом. И интуиция его не подводила. Слово БОРЬБА как ключевое слово марксизма (классовая борьба) и дарвинизма (борьба за существование) практически слились в риторике левого крыла политиков. Борьба классов, как и война, не предполагает соблюдения заповедей Господних, этических правил обращения с противником, и то, что случилось с Россией в 1917 г., утверждение ате-

изма в качестве официального мировоззрения, уничтожение церквей и духовенства, массовый террор, создание огромного количества лагерей, бесконечная массовая ложь в прессе, на радио и телевидении было закономерным результатом развития тенденций, которые в 1870—1890-е годы проявились в политической жизни страны. Любовь к ближнему уступала безжалостной борьбе за существование, классовой борьбе, перераставшей в борьбу против существующей власти за свою власть. Религия в среде образованных людей сдавала свои позиции науке, но проблемы самой науки, как и их решения, не имели отношения к моральным и нравственным проблемам, к проблемам свободы воли, на что совершенно справедливо указывал Толстой в «Войне и мире». Его отношение к Дарвину и дарвинизму становилось все более непримиримым и яростным. Эволюционные темы затрагиваются во всех его более поздних работах, в «Анне Карениной», «Воскресении», в статьях «Так что же нам делать», «О жизни». В год своей кончины, отвечая на письмо студентки-медика В. Преображенской, он раздраженно пишет: «Как же не быть бессмысленной и ужасной той жизни, которая, как происходит это в нашем мире, руководством к пониманию ее имеет только тупых, ограниченных, односторонних мыслителей, как Дарвин, Маркс и легион им подобных?» ([Толстой 1956, 175]). В том же году, в феврале 1910 г., писатель пишет письмо редактору журнала «Жизнь для всех» В.А. Поссе, в котором есть фрагмент, посвященный дарвинизму: «Такие люди, — самая большая часть из них, публицисты, литераторы, всякие преподаватели, да и вообще люди, считающие себя образованными — полагают, что религия уже потому совершенно бесполезна, что на все основные вопросы жизни вполне удовлетворительно отвечает наука посредством столь любимого ими учения эволюции, т.е. что проявляющийся в бесконечном пространстве и бесконечном времени человек со всеми своими духовными свойствами есть только последствие движения бесконечно малых частиц материи в продолжение бесконечного времени в бесконечном пространстве. Причем, как это и не может быть иначе, на место Будды, Конфуция, Христа, Августина, Паскаля, Руссо, Канта, Эмерсона становятся Дарвины, Геккели, Марксы и т. п., и на место нравственного учения любви и

самоотречения становится учение борьбы и насилия» [Толстой 1958, 87—88]. За несколько дней до смерти Лев Николаевич диктует письмо своим детям и, обращаясь к старшему сыну, Сергею Львовичу, говорит: «Те усвоенные тобой взгляды дарвинизма, эволюции и борьбы за существование не объяснят тебе смысла твоей жизни и не дадут руководства в поступках, а жизнь без объяснения ее значения и смысла и без вытекающего из него неизменного руководства есть жалкое существование. Подумай об этом. Любя тебя, вероятно накануне смерти, говорю это» [Толстой 1956, 223].

Исходя из всех этих сведений мы должны по-новому взглянуть на тот факт, что одним из главных героев рассказа оказывается обезьяна. Конечно, дети не смогут увидеть в рассказе отражение споров с Дарвином. Им еще рано читать «Происхождение видов» и тем более «Происхождение человека и половой отбор». Но я, вслед за А.К. Жолковским и Ю.К. Щегловым, считаю, что в детских рассказах писателя кроме идей ориентированных только на детей имеются мысли, апеллирующие к взрослому читателю. Взрослые интеллектуалы 1880-х годов, у которых на слуху была острая полемика о дарвинизме, не затихавшая с 1864 г. до конца столетия, взрослые, которым было известно, на чьей стороне в этой полемике Толстой, при слове ОБЕЗЬЯНА (не ШИМПАНЗЕ, не ОРАНГУТАН, не ГОРИЛЛА, а именно слово ОБЕЗЬЯНА у интеллигенции в те времена ассоциировалось с дарвинизмом), должны были насторожиться и разглядеть в этом персонаже символ одной из сторон полемики, причем понятно, какой. Здесь мне приходит на память отрывок из письма Толстого Н.Н. Страхову, посвященный педагогической стороне «Русских книг для чтения»: «Я нахожусь в положении лекаря, старательно скрывшего в сладеньких пиялулях полезительное, по его мнению, касторовое масло и только желающего, чтоб никто не разболтал, что это лекарство, чтоб проглотили, не думая о том, что там есть. А оно уж подействует». Письмо Н.Н. Страхову от 15.04.1872 г. ([Толстой 1953, 285]). Похожая мысль содержится в следующем отрывке из работы исследователей текстов «Русских книг для чтения» и «Новой азбуки» Ю.К. Щеглова и А.К. Жолковского [Жолковский, Щеглов 2017]: «Несмотря на радикальную перемену творческих целей и аудитории, он

вольно или невольно продолжает проповедовать те же истины о жизни. И хотя Толстому действительно удалось достичь художественной общедоступности и простоты народной речи, его детские рассказы далеки от примитивизма и стереотипности фольклора. Наоборот, в них, как и в пушкинской прозе <...>, за кажущейся безыскусностью скрывается утонченная литературная техника» (жирный шрифт мой — А.Б.). Вернемся к нашему анализу.

О сыне капитана (продолжение)

Рассмотрим теперь социально-ролевую сторону сценки с обезьяной.

Сформировавшему этот образ писателю, преследовавшему прежде всего педагогические цели, нужен был герой-жертва, жертва внешних обстоятельств и внутреннего несовершенства. На примере мальчика писателю нужно было показать, как казалось бы безобидная ситуация из-за ошибок в ее оценке, из-за неправильных попыток разрешить все более усугубляющуюся проблему, перерастает в катастрофу, которая должна послужить для него наказанием за ошибки. Для того, чтобы наказание было серьезным, поступки героя должны были привести его к ситуации, когда его гибель кажется неминуемой. А для того, чтобы дети все же не испугались, должен, как *deus ex machina*, появиться герой-спаситель и избавить героя-жертву от опасности.

Толстой в рассказе, естественно, не говорит прямо, в чем именно состоят ошибки двенадцатилетнего подростка, в какой именно момент он начинает действовать неправильно. Его задача состоит не только в том, чтобы продемонстрировать ситуацию, но и в том, чтобы заставить адресата рассказа, таких же подростков, думать.

С социальной точки зрения ситуация выглядит следующим образом. На палубе происходит нечто подобное цирковому представлению: обезьяна, выступающая в роли скомороха, шута, клоуна развлекает матросов. Даже если бы в этой роли выступал человек, по социальному статусу он был бы равен бывшим крестьянам, матросам, или стоял бы на социальной лестнице еще ниже, был бы равен бездомному бродяге, нищему. Представить себе, что матросов, как скоморох, развлекает даже унтер-офицер трудно, что пе-

ред ними корчит рожи и кривляется офицер — совершенно невозможно. Несмотря на то, что юнга по званию равен матросам, в социальном отношении он выше их, он потомственный дворянин, а в будущем, если пойдет по военно-морской линии, — офицер. Сорвав с мальчика шляпу, обезьяна провоцирует его, вовлекая в представление в той же роли, в которой выступает сама. Надев на себя его шляпу, она как бы перевоплощается в него и начинает представлять его в карикатурном виде. Мальчик оказывается в сложной социальной ситуации, из которой он должен уметь выйти. Юнга колеблется, не зная плакать ему или смеяться. И колебания эти вызваны тем, что он не может сразу оценить этическую сторону проблемы: с одной стороны, это вторжение в его личную зону постороннего существа, доступ которому в него запрещен, и воспринимается как агрессия. На агрессию мальчик должен ответить, поскольку она задевает его честь. Он должен наказать обидчика. Но так реагировать можно лишь на агрессию равного по статусу. Если твою личную зону нарушило неразумное животное и это не угрожает твоей жизни, ты не должен на него обижаться и, должен либо обратить все в игру, либо, если тебе не до игры, не впадая в гнев, отогнать его. Почему же мальчик колеблется? Он колеблется, во-первых, потому, что обезьяна очень похожа на маленького человека, на ребенка, каковым он является и сам! Ему кажется, что она **сознательно** хочет его унижить, и для того, чтобы исправить ситуацию, ему нужно наказать ее. Во-вторых, он не может себе позволить начать взаимодействовать с обезьяной, потому что она выступает на палубе в роли шута, вступить с ней во взаимодействие — значит приравнять себя к ней, а ее — к себе, а следовательно — уронить свое достоинство перед матросами. Из равновесия его выводит то, что обезьяна начинает злобно рвать его шляпу. Выше было уже сказано о том, что юнга переживает по поводу того, что целостность его амуниции оказывается нарушенной. На это накладывается еще и то, что одежда, когда речь идет об агрессии, входит в его личную зону (по поводу понятия личной зоны см. [Hall 1966]), воспринимается человеком как часть его самого. В развитии ситуации этот момент является решающим для того, чтобы принять правильное решение относительно того, как себя повести, учесть все по-

следствия того или иного решения. Исходным для принятия решения является соображение равенства. Если бы мальчик подумал, кто провоцирует его встать с ним вровень, он успел бы осознать, что между ним и обезьяной пропасть: по тогдашним представлениям, например, Толстого, у животных вообще и у обезьян, в частности нет никакого **сознания**, поэтому обезьяна не может унижить его **сознательно**. Но даже если бы она пыталась унижить мальчика сознательно, нельзя отвечать злу насилием, свято соблюдая заповедь Господню «Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ», взятую Толстым в качестве эпиграфа к «Анне Карениной». Если бы он вспомнил об этой заповеди, он удержался бы от того, чтобы гнаться за обезьяной и пытаться ее наказать. Посмеявшись вместе с матросами, он должен был бы пойти к каптенармусу, получить у него новую шляпу и снова выйти на палубу, чтобы показать, что действия обезьяны он воспринимает, как действие ветра. В этом случае он остался бы в числе зрителей и не подверг бы испытаниям свою честь и жизнь. Кроме всего прочего, ему в голову должна была бы прийти мысль о том, что несмотря на то, что человек — царь природы, как ему внушали в раннем детстве, физически он одно из самых слабых и не приспособленных к природным условиям млекопитающих, и ему догнать обезьяну в гонках по вертикали так же невозможно, как и догнать гепарда в гонках по горизонтальной поверхности. Но всем известно, что детям труднее сдерживать эмоции, чем взрослым. Мальчика охватывает гнев. И этот момент работает как триггер для цепи ошибочных действий, которые приводят героя на порог гибели. Гнев затмевает разум, и он, забыв о своем человеческом достоинстве, дает обезьяне вовлечь себя в представление в роли скомороха, гонится за ней, чтобы наказать ее, но не может догнать. Над ним смеются матросы, что еще больше оскорбляет его чувство собственного достоинства. А одержимая бесами обезьяна, умело управляя его эмоциями, ведет его к катастрофе.

Из приведенного анализа становится ясно, что главной ошибкой мальчика было то, что он позволил себе рассердиться, рассердившись на **обезьяну**, он признал ее равенство с **человеком**, равенство в сознательном выборе способа взаимодействия с ним, ра-

венство в **осознанности** нанесения обиды, которое должно уравниваться ответом обидчику, адекватным для **человеческих** отношений способом. Он поступил с обезьяной так, как он поступил бы с обидевшим его мальчишкой: бросился за ней, чтобы вернуть украденную вещь, наказать обидчика, не посрамить отца и доказать обезьяне, отцу и всем, кто наблюдал эту сцену, что он лучше своего соперника, сильнее, проворнее, что он способен дать отпор противнику, посягнувшему на его имущество, честь и достоинство. Как было отмечено в [Жолковский, Щеглов 2017], сказанное почти исчерпывает тот смысл, который может оказаться доступным детям после прочтения рассказа, но не исчерпывает взрослые его интерпретации.

Я уже сказал, что взрослый человек 1880-х годов, знакомый с проблемами, которые занимали в то время общественность, знакомые с взглядами Толстого на эти проблемы, должны были насторожиться, увидев, что одним из главных персонажей рассказа является обезьяна, причем не та басенная глупая обезьяна, которая фигурирует в отличных от были других рассказах «Русских книг для чтения» (см., например, «Обезьяна и горох», «Лисица и обезьяна», «Обезьяна»), а настоящая обезьяна из реальной жизни. Обезьяна должна была ассоциироваться у такого человека с темой происхождения человека, и он должен был догадаться, что в сладкой пилюле захватывающего сюжета, должно быть спрятано лекарство³, которое должно было помочь людям того времени излечиться от болезни. И диагнозом этой болезни, судя по всему, должно было быть какое-нибудь ложное, по мнению Толстого, научное учение, например, марксизм, или учение Огюста Конта о превращении человеческого сообщества в единый организм, или дарвинизм, по которому человек произошел от обезьяны, что приравнивалось им к сумасшествию. Обезьяна, возведенная в статус символа дарвинизма, предстает перед нами в роли

³ Ср. в воспоминаниях о Толстом его старшего сына, С.Л. Толстого: «...я думаю, что его рассказы о сумасшедшем, слышанные мною в семидесятых годах, были зародышами тех мыслей, которые позднее легли в основу его мирозерцания. Он считал, что ложное мышление — основная причина зла в мире; люди дурно живут не потому, что они злы по природе, а потому, что они неразумно мыслят; и они невменяемы, как душевнобольные» [Толстой 1975, 106]. Ср. также в дневнике Толстого 1884 г.: «Если люди действуют безумно (жизнь в городе, воспитание, роскошь, праздность), то наверно они будут говорить безумное. Так и ходишь между сумасшедшими, стараясь не раздражать их и **вылечить**, если можно» [Толстой 1952, 75] (жирный шрифт мой — А.Б.).

дьявола-искусителя, соблазняющего человека поставить знак равенства между ним и собой (прямой символ — надевание его шляпы на свою голову), увлечь его за собой скомо-рошьей игрой своего ума, коварно поднять его на огромную (интеллектуальную) высоту, чтобы, когда, очнувшись, он выйдет из состояния игры в жизнь, он обнаружил бы себя на грани падения, на краю гибели. И здесь мы можем обнаружить два реальных универсума, в которых можно было бы интерпретировать героев рассказа и символическую ситуацию соблазнения. Первый универсум — это собственная семья Толстого, в которой кто-нибудь из детей, как он опасался, мог увлечься дарвинизмом, как это впоследствии реально случилось с окончившим естественный факультет Московского университета Сергеем Львовичем, женившимся к тому же на племяннице переводчика «Происхождения видов» М.К. Рачинской. Эта интерпретация имеет право на существование уже потому, что Толстой внедрял свои «пилюли», вошедшие в «Азбуку», «Новую Азбуку» и «Русские книги для чтения» в качестве первых «подопытных» в головы своих детей (см. [Толстой 1975]), отслеживая и изучая их реакцию на рассказы. В этом случае корабль здесь должен быть уподоблен семье писателя, старший сын-подросток, в котором рано или поздно должна была проснуться юношеская фронда по отношению к подавлению его личности отцовским авторитетом (см. об этом в воспоминаниях С.Л. Толстого), должен быть уподоблен мальчику, сам Лев Николаевич — капитану корабля, а прочие члены семьи — матросам. Вторым универсумом, в котором можно интерпретировать второй план сюжета, является все образованное человечество, уже — образованная часть России. Корабль здесь должен играть роль ковчега, собравшего воедино интеллектуалов и тех, кто обеспечивает их материальные нужды, крестьян-матросов. Мальчику в этом символическом сюжете, как в притчах, отводится роль заблудшей души (интеллектуалов, увлекшихся учением Дарвина), его отцу — роль Отца Небесного, из любви вынужденного в форме угрозы принудить возлюбленного сына сделать выбор между небытием и послушанием и нырнуть с высоты своего интеллекта в море житейское, а матросам-крестьянам — роль спасителей заблудших интеллектуалов. Таким образом, анализируемый рассказ, в отли-

чие от других, в которых притчи помимо нравственного кодекса и житейской мудрости не имеют дополнительной интерпретации, ее обнаруживает и, более того, интерпретируется почти традиционным для притчи образом.

7. Обезьяна

Слово ОБЕЗЬЯНА (заимствование из турецкого и/или персидского *abuzine* ‘обезьяна’) — такое же широкое понятие, как и корабль. В биологии под этим словом понимают подотряд сухоносых приматов, насчитывающих большое количество видов, отличающихся друг от друга существенными характеристиками, включающими в себя рост, вес, силу конечностей, опасность для человека и т.д. Толстой вносит лишь одну характеристику, как-то сужающую класс объектов, подпадающих под это название: *большая обезьяна*. Если моя интерпретация второго плана верна, то Лев Николаевич должен был иметь в виду ближайших родственников человека по эволюционной лестнице — орангутанов (так, например, интерпретирует слово ОБЕЗЬЯНА А.К. Толстой), шимпанзе или горилл (о бонобо как отдельном виде в те времена не знали). Поведение обезьяны, описанное Толстым, ближе всего к шимпанзе: орангутаны и гориллы — более спокойны, и менее склонны к агрессии (неизвестно, правда, знал ли об этом автор рассказа). Все три перечисленных рода обладают большой силой и ловкостью во много раз превышающей силу и ловкость человека.

В отличие от горилл и орангутанов, шимпанзе легко впадает в агрессию, может нападать на людей. На воле — в основном на детей. Средний рост взрослых самцов 150 см, самок — 130 см. Скорее всего, Толстой имел в виду детеныша шимпанзе, которые не столь агрессивны и склонны к играм. Пол обезьяны также не уточняется.

Присутствие на корабле домашних животных в виде собак, кошек или, как в данном случае, ручной обезьяны заменяет экипажу и зоопарк, и цирк, и театр, помогает разрядить напряженную обстановку. В описании кругосветного плавания К.М. Станюковича на корвете «Коршун» были две обезьянки.

По деталям описания этого экзотического для России животного у Толстого можно судить о том, что он имел достаточно отдаленное представление и о ее поведении, и даже (возможно, намеренно) путался в названии ее конечностей: «Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и **лапами** рвать ее» vs. «На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись **задней рукой** за веревку, повесила шляпу на край последней перекладины». В сноске указывается, что у обезьяны четыре **руки**. Кроме того, в ее описание он вносит некоторые антропоморфные черты: «Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи». Указательный жест отсутствует в системе визуальных знаков даже у высших обезьян. Исконно он присутствует только в жестовой системе человека. Антропоморфична и фраза, где обезьяна «показывала зубы и радовалась». Демонстрация зубов у обезьян обозначает вовсе не радость и даже не злорадство, а угрозу. Изображение радости на морде обезьяны Толстому нужно исключительно для демонизации ее образа: она добилась того, чего хотела, привела мальчика на грань катастрофы. Он «раззадорился» и, выпустив «веревку», шагнул на рей.

В реальной ситуации в человеческой неволе единственной естественной целью животного, в том числе и обезьяны, является получение лакомства, которым ее награждают зрители за развлечение. Своим поведением животные выпрашивают его, на ходу обучаясь приемам, с помощью которых можно заставить человека, поощряя эти приемы, подкормить их. При этом животные в процессе взаимодействия определяют и границы, за которые в «игре» с человеком переступать нельзя. В ситуации, описанной в рассказе, явно неглупая обезьяна переходит все границы, и ничего хорошего ее после инцидента с мальчиком не ждет. По моему мнению, это еще одна деталь, которая делает рассказ маловероятным.

8. О реалистичности ситуации

Вся сцена с водружением шляпы на край рея (нок рея) и попытка мальчика дойти до нока по рею также вызывает большие сомнения. Толстой ниже говорит о том, что от

мачты до конца рея было примерно два аршина, что в переводе на метрическую систему мер означает 142 см. Если это так, то речь идет о рее, к которому крепится редкий парус с поэтическим названием мунсель (от англ. *moon sail* 'лунный парус'), который ставится на больших кораблях с серьезным парусным оснащением и задействуется при слабом ветре. Обезьяне, если ее рост находится в пределах 130 — 150 см, действительно, ничего не стоит, не только быстро добраться до мунрея, но и, распластавшись, достать до его края и повесить на него шляпу. Но, если теперь поверить Толстому и принять возможность благополучного пребывания мальчика с девяти до двенадцати лет на военном корабле, совершающем кругосветное плавание, следует признать все же достаточно фантастичной его способность «в одну минуту», не отставая от обезьяны, подняться по вантам до мунрея. Пр продемонструю еще раз высоту, на которую мальчик взбегают за минуту — см. Рис. 4.

Это нелегко и для взрослого, сильного матроса натренировать руки и ноги так, чтобы достаточно быстро (заведомо не за минуты) по вантам подниматься на высоту двадцатидвухэтажного дома. В какой-то момент при подъеме надо переходить с одних вант на другие и делать это на головокружительной высоте довольно сложно. Кроме того, надо привыкнуть к этой высоте и двойной качке: на мачте это уже даже не качка, а полеты с ее древком на несколько метров в одну и другую сторону. Морская болезнь одолевает человека даже если он уже привык к ней на палубе. Фотограф Леонид Круглов, снимок которого был приведен выше, пишет в своем блоге, что ему надо было осваивать подъем на мачту несколько месяцев, и это было очень страшно. Все это заставляет относиться к фразе «Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха» крайне скептически.

Теперь главное. Мальчик, осваивая подъем на мачту, наверняка наблюдал, как матросы убирают паруса. И, если так, то возможностей благополучно добраться до нока рея (т.е. до его края) у него даже больше, чем у вытянувшейся обезьяны. Во-первых, надо помнить о том, что средний рост 12-летнего мальчика больше роста обезьяны, он колеб-

лется в пределах от 143,6 до 154,2 см. Значит, одна только длина его тела превышает нужное расстояние до конца рея, не говоря уже о возможности вытянуть руки. Поэтому ничто не мешало ему так же, как и обезьяне, распластаться на рее и без труда достать шляпу, потом сесть на рей и, отталкиваясь руками и скользя по нему, добраться до мачты (точнее — до трюм-стенги или флагштока, на которых крепится мунсель), ему бы даже хватило роста зацепиться стопами за мачту. Но есть и еще более простой и безопасный способ добраться до шляпы. **Под каждым реем протянуты и прикреплены к нему тросы**, которые называются пертами (от нидерландского *paarden* ‘лошади’). На них стоят работающие с парусами матросы. См. фотографию выдающегося морского фотографа Валерия Василевского, сделанную на барке «Седов»:

Рис. 8.

Надо, правда, отметить, что мачты и рей на современных парусниках металлические, в то время как раньше они были деревянными и имели форму веретена, сужающегося к концу. Но как бы там ни было, перты позволяют двигаться к краю рея вполне безопасно. Мальчик, за три года приобретший сноровку, хорошо лазавший на мачты, наблюдавший за работой матросов, не мог этого не знать. Ему совершенно незачем было становиться на рей сверху и идти по нему за шляпой. Вряд ли мог забыть о пертах и Тол-

стой, служивший во время Крымской войны в Севастополе и имевший возможность наблюдать за уборкой парусов и передвижением матросов вдоль реев. Из всего этого следует, что либо Толстой придумал всю эту ситуацию ради художественного эффекта, либо знание этого факта должно было помочь читателю понять, что мальчик был в таком состоянии, что уже мало понимал, что он делает, и вместо безопасного пути выбрал гибельный. Второе, правда, маловероятно, поскольку рассказ был адресован детям, которые ничего не знают не только о пертах, но и вообще об устройстве корабля. Поэтому, если бы Толстой хотел донести до читателя эту мысль, он не стал бы надеяться на то, что читатель сам до нее додумается, а выразил бы ее в тексте в явном виде. В рассказе же ситуация представлена так, будто у мальчика в способе добраться до шляпы не было выбора. Представленная Толстым ситуация создает ложное впечатление, что и матросы, которые работают на рее во время постановки и уборки парусов, должны не только в штиль, но и в бурю, бегать по рею или передвигаться по нему ползком.

Из представленных соображений следует, что мир, который писатель построил в своем рассказе, все-таки искусственный, и он не вполне соответствует подзаголовку «Быль», выдать его за подлинный позволяет лишь слабое знакомство читателя с реалиями жизни на парусном корабле. Однако у художественного произведения и нет установки на полное совпадение изображаемого мира с реальным. Более того, вдаваясь в детали, читатель может упустить то главное, ради чего был написан рассказ, — мысль, которую автор хотел передать читателю. Изложенные детали, на мой взгляд, важны профессиональному исследователю для того, чтобы уяснить, как и для чего используется построенный писателем искусственный мир, что важно автору в реальном мире для изложения мысли и что неважно. Какую конвенцию с читателем он заключает, представляя ему искусственный мир.

9. О матросах

Матросы — главная физическая сила, приводящая корабль в движение, и сила, позволяющая управлять парусным кораблем. В рассказе они отдыхают от тяжелого каж-

додневного труда, во времени разделенного на чередование вахты и сна, развлекаясь привычным зрелищем забавляющей их обезьяны. В рассказе они представлены как один множественный герой, пассивно наблюдающий за развитием действия. Они бездумно весялятся даже тогда, когда игра обезьяны с мальчиком приобретает опасный характер, и выходят из этого состояния, только когда наступает катастрофа. Смеются они над мальчиком, конечно, беззлобно, как над расшалившимся ребенком. Когда ситуация становится критической, они забывают и о представлении, и об обезьяне, сопереживая мальчику. Их охватывает страх за ребенка, но вместо того, чтобы искать выход из положения, они цепенеют, цепенеют до такой степени, что никому в голову не приходит доложить о ситуации капитану, а кто-то еще и невольно ахает, чем заставляет мальчика забыть о цели своих отчаянных усилий и сосредоточиться на том, чтобы удержать равновесие и найти выход из положения. В ролевом отношении они демонстрируют бессилие человека средних способностей найти рациональный или иррациональный выход из сложного положения. И это понятно: в своей сфере, на своем участке они могут проявлять чудеса изобретательности для выполнения узкопрофессиональной задачи, но ситуация с мальчиком выходит за рамки их профессиональной деятельности. В таких случаях они не имеют права брать на себя ответственность и принимать какие-либо решения. Они должны ждать решения офицеров, капитана корабля. Когда мальчик прыгает в море, ситуация становится им понятной и, более того, привычной: здесь надо действовать как по команде «человек за бортом!».

10. О капитане

Капитан на корабле — особая, уникальная должность. Для детей он просто начальник над матросами и офицерами, как управляющий поместьем или градоначальник. Но управляющий поместьем, градоначальник и даже царь могут быть бездарными правителями, генерал может быть плохим полководцем. Для их подчиненных это плохо, но не смертельно. Для корабля, отправляющегося в дальний поход, плохой капитан равносителен смерти. Только от капитана зависит, насколько слаженно работает его команда,

как она управляется с парусами, штурвалом, рангоутом в опасную минуту, в бурю, в шторм, в районе с трудным фарватером, с множеством мелей, банок, подводных скал и, наконец, в бою. Капитан на корабле — это средоточие мужества, хладнокровия, разума, воли и прирожденного чутья. Время, за которое капитан в опасные мгновения должен принять единственно правильное решение, исчисляется секундами. И от того, насколько быстро и правильно это решение принято, зависит жизнь и благополучие всего экипажа, поэтому, кроме всего прочего, он должен быть наделен полным доверием своих подчиненных.

Появление капитана корабля, отца мальчика, как и начало истории с обезьянкой, происходит на фоне полной безмятежности героя. Корабль стоит на якоре, беспокоиться не о чем, и он собирается заняться вполне мирным и полезным делом — пострелять в чаек. Моряки их не очень жалуют, поскольку они сильно загаживают палубу, реи, паруса. Для матросов чайки означают дополнительную и довольно грязную работу, для капитана — неприятный, нечистоплотный вид корабля, а то и экипажа. Капитан, видимо, очень неплохой стрелок, иначе он не стал бы промахами ронять свой авторитет перед выпавшим на палубу экипажем. И пострелять в цель для него, очевидно, довольно приятное упражнение. И вот далее Толстой с лапидарностью, достойной Пушкинских «Маленьких трагедий», правда, без их стилистического блеска, в нескольких предложениях проявляет все перечисленные выше свойства настоящего капитана. «Он нес ружье, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте, и **тотчас же** прицелился в сына и закричал: “В воду! прыгай сейчас в воду! застрелю!”» (жирный шрифт мой — А.Б.). Первое предложение этого отрывка играет в этой сцене тройную роль: 1. Оно описывает состояние капитана перед тем, как он увидел опасность: он шел заниматься приятным и полезным занятием и был совершенно спокоен и даже расслаблен. 2. Он нес ружье, которое должно будет сыграть ключевую роль в следующем эпизоде, хотя капитан этого пока не знает. 3. Охота на чаек, которой он предполагал заняться, подразумевает еще одно действие: начать это занятие капитан должен со взгляда вверх. Эту важную деталь Толстой оставляет для ее рекон-

струкции читателю. Подняв глаза кверху для того, чтобы обнаружить чает, он увидел на мунрее своего сына. Здесь нужно задержаться, чтобы понять, какие чувства охватили героя этого монтажного кадра. Обычному человеку нужно некоторое время, чтобы оценить увиденное и переключиться на постановку новой цели. Обычного человека, который очень любит своего сына, должен охватить огромный страх за него, ужас, мотивированный осознанием неминуемых последствий этой картины, мыслью о том, что сын вот-вот упадет и разобьется о палубу (моему читателю в этом должна помочь фотография человека, забравшегося на вершину грот-мачты «Седова», на Рис. 8). Эту мысль Толстой вкладывает в голову матросов, рассчитывая, что читатель встроит ее и в сознание капитана. Как следствие этого состояния человека должна охватить паника или оцепенение, как это случилось с матросами. Предприимчивый человек должен подавить в себе этот страх и начать искать решение проблемы. Обычному человеку это дается с большим трудом. И для того, чтобы подавить в себе этот страх за любимого человека, и для того, чтобы найти решение проблемы, нужно время. При этом надо понимать, что думать здесь совершенно некогда: мальчик может упасть уже в следующую секунду. Цейтнот может вызвать еще одну панику, мысль о том, что ты не успеешь найти выход из положения. И, наконец, обычному человеку удачный выход из этой, по виду безнадежной, ситуации, скорее всего, обнаружить не удастся. Все это, собственно, и происходит с матросами. Для Толстого, как на это указывают Ю.К. Щеглов и А.К. Жолковский, это обычный сюжетный ход: контрастно продемонстрировать неправильные действия и на их фоне показать, как надо действовать «правильному герою».

Как это видно из второго предложения отрывка, капитану не потребовалось ни секунды ни на то, чтобы подавить в себе страх за сына (бесстрашие), ни на то, чтобы подавить панику (мужество), ни на раздумья по поводу того, как спасти сына (способность принимать рискованные, но интуитивно самые верные решения). По жесткому способу решения проблемы можно подумать, что капитан не любит сына, готов застрелить его. И только, когда все благополучно заканчивается, капитан позволяет себе расслабиться и

дать волю эмоциям. Только тут мы понимаем, какого огромного напряжения воли потребовало его решение, какую бурю эмоций он держал в узде для того, чтобы она не мешала ему с холодной головой принять правильное решение, и, наконец, какой силы родительскую любовь он испытывал к своему сыну. И, поскольку эта мысль о любви к сыну является главным мотивом действий сурового капитана, а его слезы — демонстрацией силы его родительской любви, можно предположить, что главной в рассказе является адресованная детям мысль о том, что под внешней суровостью отца в отношениях с детьми скрывается большая любовь к ним, забота и способность защитить их от внешней опасности в самые трудные минуты их жизни. Судя по тому, что Толстой посвятил теме отцовской любви к своим детям два рассказа с почти одинаковым сюжетом («Акула» и «Прыжок»), действие в которых происходит на кораблях, совершающих дальние походы, в пространстве, где немислимо присутствие женщин, она была для него очень важна.

Литература.

Барулин А.Н. Функции аллитерации в элегии В.А. Жуковского «Море» // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 696 — 714.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Антропологическое исследование могильника Исуново, Костромская область // Вестник костромской археологической экспедиции, вып. 2. Кострома, 2006.

Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. *Ex ungue leonem* Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.

Майорова О.Е. Теория Дарвина в произведениях Льва Толстого // [https://msses.ru/media/video/olga-mayorova-teoriya-darvina-v-proizvedeniyakh-lva-tolstogo/#: ~:text =В%20конце%20жизни%20Толстой%20презрительно,на%20Дарвина%20в%20позитивном% 20ключе.](https://msses.ru/media/video/olga-mayorova-teoriya-darvina-v-proizvedeniyakh-lva-tolstogo/#:~:text=В%20конце%20жизни%20Толстой%20презрительно,на%20Дарвина%20в%20позитивном%20ключе.)

Станюкевич А.К., Черносвитов П.Ю. Усыпальница бояр Романовых в московском Новоспасском монастыре // Вестник костромской археологической экспедиции, вып. 2. Кострома, 2006.

Тимирязев К.А. Бессильная злоба антидарвиниста. М.: Товарищество Кушнерев и К°, 1889.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 19. Анна Каренина. Части 5 — 8. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1935.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 12. Война и мир. Т. 4. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1940.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 49. Записки христианина, Дневники и Записные книжки 1881—1887. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1952.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. Т. 64. Письма 1887 — 1889. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1953.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 15. Война и мир. Черновые редакции и варианты. Ч. 3. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1955.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 82. Письма. 1910. Май — Ноябрь. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1956.

Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 21. Новая азбука и русские книги для чтения (1874—1875). М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1957.

Толстой С.Л. Очерки былого. Тула: Приокское книжное издательство, 1975.

Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Университетская книга. ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998.

Hall E. The hidden Dimension. NY: Anchor books editions, 1966.

Steiner R. Darwin and Tolstoy. A public lecture given by Rudolf Steiner in Berlin, 3d November 1904 // <https://southerncrossreview.org/92/steiner-tolstoy.html>.

Semiotic and linguistic analysis of *The Leap* by Leo Tolstoy

A.N. Barulin (Institute of Linguistics, Russian Academy of sciences)

The paper is concerned with the referential, lexical, pragmatic, semiotic, and literary analysis of Leo Tolstoy's tale entitled *The Leap* in the context of his own life, as well as of his standpoint on Charles Darwin's evolution theory.

Keywords: Russian literature, children's literature, Leo Tolstoy, Darwin, lexis, nautical language and common language, Grice's Maxims, Veselovsky's parallelism, referential and real world, semiotics of ship space.